

Я люблю ее еще до сих пор, очень люблю,
но я уже *не хотел бы* любить ее.

Ф. М. Достоевский

У меня была какая-то мистическая к ней
привязанность... Один я знал истинную цену
в ней скрываемых даров души... и не мог от-
липнуть от нее.

В. В. Розанов

Предисловие

«ДРУГ ВЕЧНЫЙ, ПОЛЕНЬКА...»

...У нее был легкий, стремительный, торопливый почерк. Как большинство людей прошлого века, причастных к литературе, она вела обширную переписку и, не вполне полагаясь на свою способность к эпистолярным экспромтам, предварительно составляла черновики. Они-то и обнаруживали ее мучительную неуверенность в себе, тягостные поиски нужного слова, превращавшие порой листки почтовой бумаги в своего рода шифровки из сплошь зачеркнутых строк.

От прожитых ею семидесяти девяти лет (если учесть, что уже в двадцать она впервые попробовала свое перо) собственно литературного осталось ничтожно мало: четыре повести, из которых она смогла опубликовать первые три, один перевод с французского, три записные тетради с дневниковыми заметками интимного характера, два-три рукописных фрагмента, частная переписка и несколько фотографий. Не больше, чем вообще остается от частной жизни частного человека, приобщенного к благам книжности и грамотности.

Между тем редкий указатель имен, связанный с литературными реалиями ее эпохи, обходится без упоминания о ней. Первый в России «Библиографический словарь русских писательниц», составленный князем Н. Н. Голицыным и включавший сведения о 1286 литературных дамах, вышел в Санкт-Петербурге в 1889 году — в один из самых драматических моментов ее жизни. Может быть, увидев свое имя среди других женских имен, она смогла бы хоть немного порадоваться: это было то самое поприще, которого она так хотела, к которому поначалу так стремилась, но которое — как сама она это в конце концов поняла — ей не удалось... И наверное, она была бы крайне обескураже-

на, смущена и раздосадована, если бы могла предположить, что войдет в историю русской литературы не столько в своем самостоятельном значении — писательницы, переводчицы, педагога (была у нее и эта роль), сколько в амплу специфическом и — если судить по ее письмам и дневникам — для нее унижительном.

Ибо что же могло быть более противоестественным для нее — шестидесятницы, эмансипантки, нигилистки, всецело сосредоточенной на себе, жаждущей внутренней свободы и не зависимого от кого бы то ни было существования, чем роль «роковой женщины», предмета любовной страсти и мужского вожделения?

Но в том, может быть, и заключался главный парадокс ее жизни, что, добываясь с каким-то фатальным упорством отдельного, суверенного существования, терпя одну катастрофу за другой на поприще самостоятельной и общественно значимой деятельности, она, сама того не желая, вошла в историю в той роли, которую многие не обремененные самоанализом женщины почитают за счастье и высшее благо.

Возлюбленная Достоевского, предмет самой большой и самой страстной его любви, «инфернальница», прототип наиболее пленительных женских персонажей его знаменитых романов, мучительница, жестокая муза... Девушка, которая «всю себя» отдала первой любви, но сама же ее и разрушила... Подруга Достоевского, которая краснела за свою связь с ним и не пожелала стать его женой... Женщина, которая одарила великого писателя мучительным опытом любви-ненависти, ибо и сама, любя, ненавидела.

Аполлинария, Полина, Поленька... «Друг вечный» — так писал ей Достоевский, когда уже знал наверняка, что жизнь их разлучила навсегда. Она же сказала о Достоевском: «Он первый убил во мне веру».

Но именно потому, что она, Аполлинария Сулова, была «женщиной Достоевского», в нее, сорокалетнюю, влюбился, а затем женился на ней молодой В. В. Розанов.

А. С. Долинин, ее первый и, по сути, до сих пор единственный биограф, известнейший специалист по Достоевскому и первый публикатор ее «Дневника» (*Сулова А. П. Годы близости с Достоевским. М., 1928*), замечал во вступительной статье: «Два больших человека — Достоевский и в известном отношении ему конгениальный В. В. Розанов, — так близко к ней подошедшие, имели, должно быть, свои основания, чтобы оставить под густым покровом тайны ту роль, которую она играла в их жизни, и даже отра-

женно она до сих пор еще никого не интересовала, и никто не собирал сведений о ней».

С двадцатых годов, когда Долинин писал эти строки, и по сию пору ничего существенно не изменилось. К Аполлинарии Сусловой как к подруге великого писателя сложилось отношение вполне определенное: ею интересуются, так сказать, в прикладном порядке — в той степени, в какой ее жизнь соприкоснулась с биографией Ф. М. Достоевского (и здесь опять судьба сыграла с ней злую шутку: она хотела быть единственной хозяйкой своей жизни, а вышло так, что самые интимные стороны ее женского существования стали пикантным комментарием к жизнеописаниям двух знаменитых мужчин).

Однако и это не всё: фактом своего разрыва с Достоевским (равно как и фактом разрыва с Розановым) она как бы лишила себя исторического покровительства, а имя свое — благодарной памяти: статус «бывшей» возлюбленной или «бывшей» жены традиционно считается слишком эфемерным, чтобы быть неприкосновенным для злых языков. Женщине, самовольно вышедшей из любовного союза с гением, история ничего хорошего не гарантирует...

Ее жгуче боялась и ненавидела Анна Григорьевна Достоевская; жестоко ревновала к ней смолоду (в свадебном путешествии убедившись, что ее муж еще полон прежней любовью) и страстно желала ей смерти в старости (вдове Достоевского было под шестьдесят, а жене Розанова за шестьдесят, когда Розанов лично просил у Анны Григорьевны помощи и совета по «обезвреживанию» «фуриозной» Аполлинарии).

Ее оговорила Любовь Федоровна Достоевская, дочь писателя, которая могла знать о «любовном приключении» отца только со слов матери, к тому же спустя годы после смерти Ф. М. Достоевского: в год кончины писателя ей было всего 11 лет.

Были уничтожены — в разные времена и по разным причинам, — а также утеряны почти все письма Аполлинарии Сусловой Ф. М. Достоевскому (которые в свете позднейших событий несомненно могли бы служить стареющей, одинокой и очень несчастливой женщине своего рода тылом, охранной грамотой). Из обширнейшей их переписки до нас дошли всего три письма Ф. М. Достоевского и два черновика ее писем к нему.

Она оказалась беззащитна против публичных интерпретаций своей брачной жизни с В. В. Розановым — со стороны самого Розанова, который, кажется, не оставил без

комментария ни одну, даже самую интимную, из деталей их брака. К моменту ее окончательного разрыва с мужем ей было уже под пятьдесят, и две строчки в библиографическом словаре князя Голицына вряд ли могли явиться большой моральной компенсацией.

Именно от Розанова, исключительно пристрастного к ней человека, а через него — от людей из его ближайшего окружения известны некоторые специфические подробности второй половины жизни А. П. Сусловой. Авторитетнейшие друзья и знакомые В. В. Розанова, писавшие о его первой («плохой») жене, среди которых была даже поэтесса и литературная львица Зинаида Гиппиус, поставили на Аполлинару Прокофьевне несмываемое клеймо: «исчадие ада», «железная Аполлинурия», «тяжелая старуха», «страшный характер», «развалина с сумасшедше-злыми глазами». Молва, идущая из этого же источника, была к ней беспощадна, приписав «старухе Сусловой» не только дурной характер (она и впрямь была далеко не ангел, но кто же ангел?), но и тяжелый деспотизм, доведший якобы ее воспитанницу до самоубийства.

Неужели же так ошибался Достоевский в «друге вечном», написав ей однажды: «Я уважаю тебя (и всегда уважал) за твою требовательность...»? Ведь не ошибся же он в основном, разгадав ее будущность, когда ей было всего двадцать пять... «Мне жаль ее, — писал он Надежде Прокофьевне Сусловой, сестре Аполлинару, — потому что, предвижу, она вечно будет несчастна. Она нигде не найдет себе друга и счастья».

Глазами пристрастными, но любящими смотрел он на свою подругу, жалуясь на нее, упрекая в бессердечии: «Она не допускает равенства в отношениях наших. В отношениях со мной в ней вовсе нет человечности. Ведь она знает, что я люблю ее до сих пор. Зачем же она меня мучает? Не любви, но и не мучай».

Но знал ли он, что примерно за полгода до его письма с жалобами на Аполлинару сама она записала в «Дневнике»: «Мне говорят о Ф[едоре] М[ихайловиче]. Я его просто ненавижу. Он так много заставлял меня страдать, когда можно было обойтись без страдания. Теперь я чувствую и вижу ясно, что не могу любить, не могу находить счастья в наслаждении любви, потому что ласка мужчин будет напоминать мне оскорбления и страдания».

Кто может быть тут судьей?

Двадцатитрехлетняя Аполлинурия упрекала сорокалетнего женатого мужчину, своего любовника: «Ты вел себя,

как человек серьезный, занятой, который по-своему понимал обязанности и не забывает и наслаждаться, напротив, даже, может быть, необходимым считал наслаждаться, на том основании, что какой-то великий доктор или философ утверждал, что нужно пьяным напиться раз в месяц».

Достоевский же назвал свою возлюбленную «больной эгоисткой»: «Эгоизм и самолюбие в ней колоссальны».

Безнадежное дело — искать в любовной драме правых и виноватых.

Другое дело — попытаться понять обоих, а также то обстоятельство, что обе стороны могут быть сторонами страдающими и в этом своем страдании заслуживающими уважения.

Кстати, именно уважения никогда не лишал Аполлинарию Достоевский.

Гордая барышня... Не самовлюбленная, но самолюбивая, терзаемая сознанием собственной неуклюжести, мучимая рефлексиями и самоанализом, страдающая максималистка — такой предстает Аполлинария Сулова в 1863 году, в разгар ее «любовного приключения» с Достоевским.

«Я никогда не была счастлива, — писала она в своем «Дневнике» в тот день, когда Ф. М. Достоевский наконец встретился с ней в Париже после нескольких месяцев разлуки. — Все люди, которые любили меня, заставляли меня страдать, даже мой отец и моя мать, мои друзья — все люди были хорошие, но слабые и нищие духом, богаты на слова и бедны на дела. Между ними я не встретила ни одного, который бы не боялся истины и не отступал бы перед общепринятыми правилами жизни. Они также меня осуждают. Я не могу уважать таких людей, говорить одно и делать другое — я считаю преступлением, я же боюсь только своей совести. И если бы произошел такой случай, что согрешила бы перед нею, то призналась бы в этом только перед самой собою. Я вовсе не отношусь к себе особенно снисходительно, но люди слабые и робкие мне ненавистны. Я бегу от тех людей, которые обманывают сами себя, не сознавая, — чтобы не зависеть от них».

Не от хорошей жизни уходила она в одиночество, избегая зависимости от несовершенных, на ее строгий взгляд, людей. Те, кто читал и анализировал ее «Дневник», часто замечали, как испортилась гордая барышня «после» Достоевского, как постепенно засасывала ее тина пошлости, бросая в объятия то одного, то другого, то третьего безымянных и безликих ее поклонников. Но не читатели первыми

обнаруживали понижение уровня любовных переживаний Аполлинаруии — эту обстоятельную фиксацию в ее «Дневнике» мужских взглядов, рукопожатий, прикасаний. Она сама судила себя беспощадным судом — сама же и расплачивалась за свои ошибки.

«Ветренная» Аполлинаруия писала: «Покинет ли меня когда-нибудь гордость? Нет, не может быть, лучше умереть. Лучше умереть с тоски, но свободной, независимой от внешних вещей, верной своим убеждениям, и возратить свою душу Богу так же чистой, как она была, чем сделать уступку, позволить себе хоть на мгновение смешаться с низкими и недостойными вещами, но я нахожу жизнь так грубой и так печальной, что я с трудом ее выношу. Боже мой, неужели всегда будет так!»

Так — увы — в ее жизни было если не всегда, то чаще всего. За минуты слабости она платила высокую цену, чувствуя себя тотально несчастной.

«Кто же не несчастлив, спросите, есть ли хоть одна женщина счастливая из тех, которые любили», — сказала ей как-то раз в утешение ее близкий друг писательница Е. В. Салиас (Евгения Тур), по-матерински нежно и преданно относившаяся к Аполлинаруии с момента их знакомства (1864) и до конца своей жизни (1892).

Но и помимо тех страданий, которые доставались Аполлинаруии за молодую нерасчетливость, за неудачный любовный опыт, за свободу от предрассудков, судьба послала ей удар за ударом и совсем в другой сфере — именно там, где она надеялась найти спасение от горьких разочарований, непроходимой тоски и мучительного одиночества.

Она хотела стать писательницей и, пока была с Достоевским, опубликовала в его журнале первые свои рассказы, но затем, расставшись с ним, ничего не напечатала. Почему? Потому, что лишилась покровительства редактора журнала? «Ее художественная дорога по каким-то причинам, о которых мы можем только догадываться, пресекалась весьма рано», — отмечал А. С. Долинин. Что же это за причины?

В ее «Дневнике» есть странный эпизод, датируемый 4 февраля 1865 года. Знакомый Аполлинаруии, Евгений Утин, спросил, почему она не идет замуж за Достоевского. «Нужно, чтоб я прибрала к рукам его и “Эпоху”...» «Прибрать к рукам “Эпоху”, — комментирует Аполлинаруия. — Но что я за Ифигения!» По иронии судьбы этот парижский разговор имел место в то самое время, когда в Петербурге решалась участь «Эпохи» и февральский ее номер стал

последним. Своего журнала лишился, таким образом, не только Достоевский, но и дебютировавшая в семейном журнале братьев Достоевских Аполлинурия Суслова.

Среди оставшихся от нее бумаг есть один листок, вернее, даже клочок без начала и конца, без обращения и без подписи, зарегистрированный в архиве ее имени как черновик письма неизвестному лицу. «Так думают и мать его тоже, и все порядочные люди, следовательно, я покоряюсь, нельзя идти против всех. *Еще если б я была уверена, что у меня действительный талант...* Итак, я совсем бросила эту мысль», — писала Аполлинурия.

Так или иначе, но к осени 1865 года что-то, по-видимому, случилось с ее намерением продолжать литературные занятия, и теперь ее планы были связаны не с Парижем, не с Петербургом, а с маленьким городом где-нибудь в Центральной или Южной России, где она могла бы учить грамоте крестьянских детей. Но и это поприще — как только она вступила на него — было насильственно прервано.

Она пыталась задержаться в Москве, где однажды получила заказ на перевод с французского, и жить на литературные заработки, но не задержалась.

Ей люто не везло.

В автобиографической повести, написанной Надеждой Сусловой, младшей и гораздо более удачливой сестрой, Аполлинурия, изображенная под именем Елены, признается: «А я до сих пор не нашла себе такого дела, которому бы решилась посвятить жизнь. Я терялась перед неопределенностью и призрачностью пользы, которую может принести кому-то мой предстоящий труд. Мне не по росту стремление к неопределенному добру для людей *вообще*, для общества, — мне нужны цели ясные и уже поставленные, чтобы они одушевляли меня... Мне казались невозможными поиски каких-то новых путей в жизни, казалось грубостью протискиваться на эти новые пути, разнося препятствия, толкая других, причиняя другим досаду, иногда горе, даже, может быть, страдание, и двигаться вперед, не зная твердо, *куда и для чего*. А оглядываясь вокруг, я не находила никакого повода для моей работы: никто меня не искал, никто во мне не нуждался, и я ничего не могла пожелать сердцем в мире, где мне все были чужие».

И еще одно поразительное признание делает Елена: «Жизнь моя поддерживается восторгом, любовью, а не мыслью и убеждением. Моя жизненная задача, очевидно, исчерпана моими неудачами и — кончена».

В повести Надежды Сусловой Елена-Аполлинаруия и в самом деле кончает с собой, бросаясь в озеро, — так и не сумев ничем оживить опустошенную душу.

С точки зрения сестры, преуспевающего доктора медицины, взявшей штурмом (и, конечно, упорным трудом) свое докторское звание, таким женщинам, как Аполлинаруия, не было места в жизни. И если бы Аполлинаруия действительно покончила с собой, как это сделали списанные с нее персонажи — Елена (в повести сестры) и Анна (уже в повести самой Аполлинаруии, написанной на основе ее отношений с Достоевским), вряд ли бы кто-нибудь очень сильно удивился: это было бы логическим завершением проигранной жизни.

Однако героини тонули в прудах и озерах, а Аполлинаруия продолжала жить. В одну из самых трагических минут, когда очередная надежда на осмысленное существование была вдребезги разбита, она, адресуясь к своему единственно близкому человеку, графине Салиас, писала: «Я... решалась на отчаянные меры, просто готова была броситься в какой-нибудь омут. Я даже удивляюсь теперь, как вышла невредимой...»

Пройдут годы, и ее муж В. В. Розанов, уже оставленный ею, скажет о ней в высшей степени знаменательные слова: «...В характере этом была какая-то гениальность (именно темперамента), что и заставляло меня, например, несмотря на все мучение, слепо и робко ее любить. Но я был до того несчастен, что часто желал умереть, только чтобы она жила и не хворала. А она была постоянно здорова, сильна и неутомима».

Карамазовская сила жизни? Это или что-то другое держало ее?

В ее жизни куда больше вопросов, чем ответов.

Почему, например, перестав писать и печататься как профессиональная писательница, она не оставила хотя бы воспоминаний о своей молодости — ведь она была дружна со многими выдающимися людьми своей эпохи: знакома с Герценом и Тургеневым, Марко Вовчок и Огаревым, Тучковой-Огаревой и Яковом Полонским, не говоря уже о братьях Достоевских? Даже если она разуверилась в своем литературном таланте — сама стилистика ее письма, суховатая и бесстрастная, как нельзя лучше подходила именно для мемуарного жанра.

Как, далее, воспринимала она растущую популярность Достоевского и его посмертную славу? Читала ли его рома-

ны? Жалела ли о былой любви? Последние 18 лет А. П. Сулова жила в Севастополе. Каждый второй-третий номер городской ежедневной газеты «Крымский вестник», которую она наверняка хотя бы просматривала, содержал какое-нибудь упоминание о Достоевском — то рецензию на театральный спектакль по его роману, то анонс на переиздание его произведений, то объявление о предстоящем литературном вечере, посвященном его творчеству. Ей некуда было деться от этой славы и раньше — раз даже ее молодой муж видел в ней прежде всего женщину, которую страстно любил Достоевский.

Выйдя замуж за Розанова за два месяца до смерти Достоевского, — как она восприняла эту смерть? А Розанов, тогда еще студент и восторженный почитатель Достоевского — обсуждал ли он с ней произведения любимого писателя? Знал ли о существовании ее «Дневника»?

В дошедших до нашего времени ее письмах обо всем этом — ни звука.

После разрыва с Розановым она прожила еще 30 лет. Знала ли она, как много, как детально и как нелестно пишет он о ней — в официальных прошениях, в частных письмах, — как охотно выносит на публику альковные подробности их неудавшегося брака? Сделала она хоть что-нибудь в целях самозащиты? Или только мстила ему, не давая развода?

Розанов (так же, впрочем, как и Достоевский) реализовался в полную силу уже «после» Суловой, в браке с тихой, домашней женщиной, давшей ему семейный уют и детей. Страдала ли Аполлинаруя Прокофьевна от своей органической неспособности к «дешевому необходимому счастью», о котором ей написал в 1867 году тогда только что вторично женившийся Достоевский?

Много лет спустя, когда Розанову было под шестьдесят, а ей за семьдесят, он, по-прежнему горячо и страстно описывая достоинства и недостатки характера своей первой жены, подчеркнул: «К деньгам была равнодушна. К славе — тайно завистлива».

Как она переживала громкую славу ненавидимого ею Розанова, о которой не могла не слышать?

Аполлинаруя Сулова прожила странную, парадоксальную, может быть, даже призрачную жизнь. По всем внешним критериям ее одинокое, неприкаянное, бездетное существование, лишённое цели и деятельности, предвещало забвение: такая жизнь, как правило, не оставляет следа.

Но она была не правилом, а исключением. Что-то очень значительное было в самом складе ее человеческой личности (Розанов называл это стилем души): с ней было трудно жить, но ее было невозможно забыть. Станным образом решилась и проблема с «желанием славы» — Суслова, может быть, действительно втайне завидовала прославленным своим возлюбленным, но прошло время, и ее бумаги, написанные второпях, порой на случайных клочках, измазанных чернилами, хранятся в главных архивах страны, а ее письма за большие деньги перекупаются библиофилами.

Те кляксы, которыми забрызгана ее частная жизнь, ее бытовое и интимное поведение, как ни странно, только повышают к ней интерес, вызывают жгучее любопытство, а порой и чью-то зависть — пути славы неисповедимы.

Чем дальше, тем более притягательной становится жизнь женщины, которая только-то и сумела, что зажечь любовь двух знаменитых мужчин, заставила их страдать и страдала сама.

Годы ее жизни прошли в тени, не осененные чьей-либо привязанностью или любимым делом. Чем жила она, как тратила свои силы, как справлялась с тоской и обреченностью? Что за призрачные фигуры ее окружали? Какие таинственные истории с ней происходили?

«Дело в том, что я *поправилась* и полюбила человека, который вызвался не только поправить мои дела, но и открыть мне новую дорогу, какую только я могла желать... Я была близка к падению, замаскированному очень ловко, но кого мне нужно было обманывать, если мое сердце чувствовало ложь и не удовлетворялось», — признавалась она в письме графине Салиас, но, по своему обыкновению, скрыла имя «человека» и всю, так сказать, фактическую сторону дела.

Для историка литературы и общественной мысли Аполлинария Суслова — заманчивый объект исследования, для писателя — благодатный сюжет, золотая жила.

Если задаться целью и начать поиски затерянных (кто знает, были они уничтожены или где-нибудь лежат мертвым грузом) писем — ее и к ней, — могут высветиться многие закоулки ее судьбы, а также тех, с кем она была связана по жизни. Может открыться и просто — *тайна человека*, которую всю жизнь разгадывал ее первый возлюбленный, Ф. М. Достоевский.

Так случилось, что мужчины, которые любили ее, обеспечили ей бессмертие. Оно, бесспорно, дает право на биографию...

Эта книга — первая из написанных об Аполлинаруи Сусловой — специфична по жанру. Это не роман, и не исследование, и не привычное читателю жизнеописание. Это собранные вместе, расположенные в хронологическом порядке и в определенной логике документальные, биографические, автобиографические и художественные свидетельства, почерпнутые из самых разнообразных печатных и архивных источников. В совокупности они должны составить основу для биографии героини этой книги.

Жанр мозаики в русской литературе хорошо известен и давно получил право независимого существования. Он — этот жанр — имеет свои плюсы и свои минусы. Минусом, очевидно, можно считать ту особенность мозаичного принципа биографии, при котором на одной странице, рядом, могут расположиться два свидетельства, взаимно опровергающих друг друга. Автор, имеющий определенную тенденцию в освещении своего героя, несомненно, проигнорирует то из них, которое не укладывается в тенденцию. Мозаика же как раз и подразумевает многозначность жизни, наличие в ней противоречивых фактов и оценок.

Невольно встает вопрос о доверии к тем источникам, которые служат «свидетельскими показаниями».

Может ли быть объективен в своих оценках человек, даже если это сам Достоевский, когда он пишет о женщине, которую любил страстной, мучительной любовью и которая бросила его, отдавшись первому встречному?

Может ли быть объективна жена Достоевского, если ее муж за полгода до свадьбы пережил разлуку с той, которую любил и которой писал пронзительно-нежные письма, путешествуя с молодой супругой?

Может ли быть объективна дочь Достоевского, получившая из рук матери, безумно ревновавшей мужа к «его Полине», представление о ней как о служительнице Венеры?

Может ли быть объективным Розанов к своей жене, если она оставила его?

Могут ли быть объективны исследователи, изучающие творчество Достоевского или Розанова, если они невольно усваивают точку зрения тех, кем занимаются? В результате достоевсковеды относятся к Сусловой как бы вслед за Достоевским, а специалисты по Розанову — как бы вслед за Розановым.

Следует ли доказывать, что истинный облик этой «ро-

ковой женщины» обретается где-то на стыке всех этих не-объективностей?

Знаменательно, что до сих пор единственным, кто, являясь одним из лучших знатоков Достоевского, захотел взять ее сторону, был именно публикатор «Дневника», исследователь, первым прочитавший тетради Аполлинарии Сусловой и почувствовавший подлинность ее переживаний. А. С. Долинин потратил немало сил, чтобы усвоить этот судорожный почерк, пробиться через недописанные и зачеркнутые места к ее живой, но заблудшей душе. Он не просто по-человечески пожалел несчастливую и обездоленную женщину, не только лишней раз подчеркнул самоценность любой человеческой жизни, но и доказал историко-литературную значимость темы. Впрочем, друзья Розанова, считавшие Аполлинарию Сулову «злой фурией», осудили Долинина за его сочувствие и сострадание к «вечной подруге» Достоевского.

* * *

Материалы, помещенные в книге, можно разделить на одиннадцать категорий.

Во-первых, это «Дневник» и четыре повести Аполлинарии Сусловой, наброски к незавершенным произведениям, фрагмент ее опубликованного перевода с французского.

Во-вторых, ее письма, как уже публиковавшиеся, так и публикуемые здесь впервые.

В-третьих, письма к ней разных корреспондентов: в их числе три известных письма Ф. М. Достоевского, письма (до сих пор не публиковавшиеся) В. В. Розанова и графини Е. В. Салиас.

В-четвертых, свидетельства о ней, содержащиеся в переписке третьих лиц: таково, например, письмо Ф. М. Достоевского Н. П. Сусловой или письмо В. В. Розанова А. Г. Достоевской.

В-пятых, фрагменты мемуаров с характеристиками А. П. Сусловой; среди них и широко известные (А. Г. Достоевской, Л. Ф. Достоевской, Е. А. Штакеншнейдер), и неизвестные, публикуемые здесь впервые (Е. П. Иванова).

В-шестых, разнообразные сведения о ее деятельности, разбросанные в печати тех лет — в «Санкт-Петербургских ведомостях», «Голосе», «Русских ведомостях», «Нижегородских епархиальных ведомостях» и др.

В-седьмых, источники, связанные с биографией Н. П. Сусловой, но касающиеся и А. П. Сусловой.

В-восьмых, это различные словари и справочники, в которых значится имя А. П. Сусловой; так, в биобиблиографическом словаре «Деятели революционного движения в России» (М., 1928) ей посвящено 14 строк (как революционерке ей ставятся в заслугу участие в работе воскресных школ, контакты с радикальными кружками, а также то печальное обстоятельство, что она, живя у брата в Тамбовской губернии, подверглась обыску, в ходе которого были найдены прокламации и вследствие чего за ней был учрежден полицейский надзор).

В-девятых, это официальные документы, как правило, непубликовавшиеся, связанные с событиями ее жизни (таковы, например, несколько завещаний В. В. Розанова или его объяснения с нижегородским полицмейстером).

В-десятых, это фрагменты изысканий о ней — в связи с Достоевским — ученых-литературоведов (среди них — Л. П. Гроссман, А. Л. Бем, Е. В. Петухов, А. С. Долинин).

В-одиннадцатых, это некоторые характеристики эпохи, к которой она как шестидесятница принадлежала, нарисованные рукой таких, например, авторитетных свидетелей, как А. И. Герцен.

Ссылки на источники даются в книге под каждым фрагментом мозаики; дополнительные сведения и уточнения, а также все замечания текстологического характера содержатся в преамбулах к каждой из двенадцати глав книги и в комментариях.

Я сердечно благодарю за ценные советы и помощь коллег-достоевсковедов — В. И. Богданову, директора Музея Ф. М. Достоевского в Старой Руссе; академика Г. М. Фридендера и доктора филологических наук Г. Я. Галаган, сотрудников Института русской литературы Российской академии наук; Н. В. Живолупову, доцента Нижегородского университета; Н. В. Чернову и Н. В. Шварц, сотрудников Музея Ф. М. Достоевского в Петербурге; литературоведа Г. В. Коган; библиофила и собирателя изданий Достоевского Н. В. Паншева; сотрудника отдела рукописей Российской государственной библиотеки А. В. Ломоносова; сотрудника Российского государственного архива литературы и искусства Е. Е. Гафнер.

Особую признательность хочу выразить исследователю творчества Розанова, автору книги «Жизнь Василия Васильевича Розанова “как она есть”» В. Г. Сукачу за огромную помощь и материалы к «розановской» части биографии А. П. Сусловой.

Глава первая
ДЕТСТВО, ПАНСИОН, УНИВЕРСИТЕТ
(1839—1860)

Трудно сказать, как много было бы известно сегодня и было ли бы известно что-нибудь вообще о детских годах Аполлинарии Сусловой, если бы не ее сестра Надежда.

Уже в середине шестидесятых годов снискавшая себе громкую и заслуженную славу блистательной защитой диссертации на соискание ученой степени доктора медицины в Цюрихе, Надежда Сулова стала в ряд тех женщин, кто может рассчитывать на интерес к себе со стороны публики независимо от пикантных подробностей ее личной жизни. О ней стали собирать сведения сразу же, как только она получила престижное звание первой русской женщины-врача. О ней писали статьи, библиографические справки, ей посвящали очерки и документальные повести. За столетие таких сведений набралось немало: биографы Надежды Прокофьевны поработали добросовестно.

Но родители, детство и школьные годы у сестер были одни на двоих. Вплоть до появления семьи Суловых в Петербурге сестры были неразлучны.

Она дочь крестьянина*, бывшего крепостного графа Шереметева, родом из села Панина Горбатовского уезда Нижегородской губернии. Ее зовут Аполлинарией Про-

* Г. В. Коган, литературовед и с 1955 по 1979 год директор Музея Ф. М. Достоевского в Москве, рассказывает, что слышала от Н. З. Метельской, своей предшественницы по должности, будто существует версия, согласно которой отец А. П. Сусловой Прокофий Григорьевич — не крепостной графа Шереметева, а его незаконно-рожденный сын от крепостной крестьянки. Этим Метельская объясняла тот факт, что граф Шереметев заботился о Прокофий Григорьевиче, испытывал к нему особое доверие и дал возможность получить образование его троим детям. Следует отметить, что ни в «Дневнике» А. П. Сусловой, ни в ее переписке эта тема никогда не обсуждалась.

кофьевной Сусловой, и родилась она в 1840 году*. Отец, по-видимому, был человек незаурядный, крепкого закала, умный и энергичный; по всей вероятности, еще до освобождения крестьян вышел он на волю, оставаясь на службе у Шереметева же и занимая у него ответственные должности.

Долинин А. С. Достоевский и Сулова // Ф. М. Достоевский. Статьи и материалы / Под ред. А. С. Долинина. Сб. 2. М.; Л., 1924. С. 169.

Село Панино Горбатовского уезда Нижегородской губернии было когда-то пожаловано в удел Козьме Минину-Сухоруку, спасшему вместе с князем Пожарским Россию от польского нашествия. Впоследствии оно стало вотчиной знаменитого фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева, который был обласкан за свои военные заслуги императрицей Екатериной.

...Род крестьян Сусловых был древний, коренной, кондовый род землепашцев, кормильцев земли русской. Один из пращуров рода, о котором сохранилась память людская, — Иван Сулов, российский мужик, двадцать лет тянул солдатскую лямку на военной государевой службе. Тысячи верст прошел он в пешеходных походах Суворова в Итальянских Альпах и горах Швейцарии.

Придя после солдатчины домой, Иван Сулов женился и сел на свое тягло. Четыре дня в неделю бесплатно работал он на чужой графской земле, а остальное время бился с самодельной сохой над своим наделом на три души — узкой полосой земли шириной «в восемнадцать лаптей»... Умер он на девяносто третьем году жизни, как говорили тогда — «от преклонных годов»... Единственный сын его, Григорий, в расцвете сил, двадцати лет от роду, был задавлен насмерть тяжело нагруженным возом с дровами. После него осталась

Напротив, Аполлинурия Прокофьевна гордилась своим мужицким происхождением. «Я родилась в крестьянской семье, воспитывалась между народом до 15 лет и буду жить с мужиками, мне нет места в цивилизованном обществе. Я еду к мужикам и знаю, что они меня ничем не оскорбят», — писала она в «Дневнике»

* Точно установить день, месяц и год рождения А. П. Сусловой пока не удалось. Биографические и библиографические справочники, указатели имен и т. п. дают обычно две даты: 1839-й и 1840-й. Скорее всего, это мог быть рубеж 1839—1840 годов, так как единственный в святцах день преподобной Аполлинурии приходится на 5 января по старому стилю. Если Сулову крестили по строгому православному обряду, она, вероятно, родилась за несколько дней до 5 января.

вдова и двое ребят-сыновей, из которых младшему, Прокофию, было всего полтора года. Меньшого сироту стал воспитывать бездетный отставной дворецкий графа — Трегубов, усыновивший его. Шести лет Прошу Суслова отдали в ученье приходскому дьячку, который обучал его грамоте по псалтырю и часослову, скорописи светской и церковнославянскому полууставу с титулом. Ученье давалось мальчику легко... Трегубов определил мальчика, как взрослого грамотея, в вотчинную контору графа Шереметева на должность писаря...

Начав с переписки «ревижских сказок и шнуровых книг» в конторе графа, Прокофий Суслов быстро пошел в гору. Был он умен, сообразителен, отличался распорядительностью и честностью. К восемнадцати годам он был уже приказчиком, а к двадцати — доверенным по управлению имением.

В ту пору, бывая по графским делам в Павлово на Оке, где все местное население промышляло «железным изделием», замками и ножами, присватался он к крестьянской девице из села Ворсмы Анне Ястребовой. Она была единственной дочерью в зажиточной семье. Родители ее были согласны отдать Анну за Прокофия, он был завидный жених, но мешало одно обстоятельство... Ястребовы еще до рождения Анны откупились у своего барина на волю. Выходя же замуж за крепостного, Анна вновь лишалась вольного состояния. Из-за этого свадьба чуть было совсем не расстроилась. К счастью, об этом узнал нынешний владелец Панина — внук знаменитого фельдмаршала. Он пожалел Суслова и, кроме того, желая иметь преданного себе человека, который служил бы ему не за страх, а за совесть, решил устроить его счастье и дал ему вольную. Свадьба состоялась.

Вскоре у молодой четы Сусловых появились дети: сначала сын Василий, потом дочь Аполлинария и, наконец, родилась третья и последняя дочь.

Смирнов А. А. Первая русская женщина-врач. М., 1960. С. 7—10, 30.

В августе 1854 года Прокофий Григорьевич получил письмо, в котором граф Шереметев, весьма довольный тем, что Притыки приведены в порядок, сообщал о том, что назначает его своим управляющим имениями в Москве*.

* По приезде в Москву семейство Сусловых поселилось в подмосковном имении графа Шереметева — Останкино.

Пост главного управляющего имениями графа в Москве был для Сулова чрезвычайно ответственным делом. Уже почти год длилась война в Крыму. На Сулова были возложены огромные заботы не только по управлению имениями, но и по поставкам продовольствия в Крымскую армию, в которых граф решил принять участие, чтобы подправить свои финансы.

Смирнов А. А. Первая русская женщина-врач. С. 34.

В годы отрочества она (Надежда Прокофьевна Сулова. — *Л. С.*) училась в одном частном пансионе в Москве (на Тверской ул., г-жи Гениккау); там — как рассказывает ее биография — главное внимание обращали на новые языки — немецкий и французский, общеобразовательные же предметы были поставлены плохо. Не в этом ли пансионе воспитывалась и Аполлинария Прокофьевна?

Долинин А. С. Достоевский и Сулова. С. 170.

Пансион благородных девиц помещался на Тверской, в доме княгини Белосельской*. Дом этот с виду был мрачен... В левом крыле этого неуютного огромного здания помещалась квартира директрисы.

...Пансион мадам Пенигкау (так у автора. — *Л. С.*) был «антиком», в своем роде феноменом пятидесятых годов. Это было еще в то время, когда не существовало женских гимназий и все образование для девочек сосредоточивалось в руках частных содержательниц пансионов, по преимуществу иностранного происхождения. Все в нем было уродливо, начиная с начальницы и кончая классными дамами.

В пансионе Пенигкау училось человек восемьдесят девочек самых разных возрастов и знаний. Однако это не мешало поместить их в одну классную комнату, огромную, как зал. Тут были и совсем еще крошки, лет семи, и уже взрослые девушки шестнадцати-семнадцати лет; была даже одна двадцатилетняя девица.

Самую удивительную картину представляло подобное соединение во время так называемых «классов». Несмотря на то, что девочки всех возрастов занимались, по сути

* Дом князей Белосельских-Белозерских, построенный архитектором М. Казаковым в 1790 году на углу Тверской улицы и Козицкого переулка, впоследствии был перестроен; в конце 1890-х годов на его месте появился роскошный магазин петербургского миллионера купца Елисеева.

дела, в одной длинной комнате, разделенной двумя арками, Юлия Петровна Пенигкау требовала от преподавателей, чтобы каждый из них всю эту разношерстную девичью публику в течение своего двухчасового урока обязательно спросил и поставил отметку в журнале по двенадцатибалльной системе для того, чтобы она могла судить об успеваемости и принимать строгие меры к отстающим*.

Учителю, если он был добросовестный, качество, которым отличались немногие из учителей пансиона, при обязанности зараз обучать восемьдесят учениц разных возрастов и знаний, ничего не оставалось делать, как спешить успеть за два часа хотя бы в книжке каждому классу, а их было шесть, отметить ногтем «от сих до сих» и кое-как выслушать вызубренную страницу, заданную на предыдущем уроке...

Так называемые «естественные науки» не были в почете в пансионе мадам Пенигкау. От физики, химии, ботаники, зоологии им давались какие-то жалкие кусочки. Считалось, что будущим женам и матерям все это не к чему знать. Да и гуманитарные науки давались здесь в сугубо сокращенном виде. Только один чудак — учитель истории, искренне любивший свой предмет, когда не был пьян, мог поразить воображение пансионеров вдохновенным рассказом о великих людях прошлого. Его уроки тогда становились неким лучом света, в котором сверкало живое слово истинной науки, расширявшее их кругозор, будившее мысль.

Герои истории в рассказе учителя выглядели величаво и монументально, как в греческой трагедии. Люди огромных, всепоглощающих страстей, нечеловеческой силы воли, вступающие в титаническую борьбу с силами рока, погибающие, но не сдающиеся... Они входили в их мир душных дортуаров как персонажи чудесных сказок...

Смирнов А. А. Первая русская женщина-врач. С. 37, 39, 46, 53.

* В автобиографической повести Н. П. Сусловой «Из недавнего прошлого» (Вестник Европы. 1900. № 6) дана характеристика первого учебного заведения, где получали образование сестры Суловы: «Нашу скороспелость довершила плохая, обыкновенная у нас школа, где мало развивался ум, совершенно не затрагивалось сердце, а только обременялась память, и мертвящая дисциплина, для всех детей одинаковый шаблон в преподавании, всеяющий отвращение к занятиям в одних, искореняющий интерес к ним в других детях, и полное отсутствие любви, клеймо найма и тягостной обязанности на всех отношениях» (С. 626—627).

Наступил 1859 год. Исполнилось трехлетие нового царствования. Царь остался доволен своим пребыванием в Москве, и в частности в Останкине. Шереметев нахвалиться не мог своим управляющим: и толков, и честен, дела графских имений привел в образцовый порядок. Недолго думая граф прислал Суслову новое назначение: быть главноуправляющим всеми его имениями с местожительством в Санкт-Петербурге.

В Петербурге Суловы зажили на широкую ногу. Положение обязывало содержать большой штат прислуги. Появились просторные апартаменты, против которых обстановка их московской квартиры показалась бы бедной.

Граф Шереметев, имевший своей постоянной резиденцией северную столицу, не хотел и не мог допустить, чтобы его главноуправляющий всеми имениями, раскиданными по просторам России, принимающий у себя крупных финансовых тузов и видных чиновников, не имел средств на представительство. У девочек появились гувернантки и даже учитель танцев. Образование, начатое в пансионе мадам Пенигкау, им пришлось заканчивать в одном из институтов для благородных девиц в Петербурге.

Смирнов А. А. Первая русская женщина-врач. С. 68.

В начале 60-х годов Прокофий Григорьевич Сулов управляет всеми имениями и делами графа Шереметева... Семья Суловых живет в Петербурге. Надежда Прокофьевна посещает публичные лекции в университете, по всей вероятности, популярных тогда профессоров: Костомарова, Спасовича и Соколова (по химии). Вместе с нею, быть может, ходила на эти лекции и Аполлинария Прокофьевна. В русле тогдашних освободительных идей, особенно восприимчивые к ним благодаря своему демократическому происхождению, одаренные, энергичные и темпераментом пылкие, они обе могли играть довольно заметную роль в среде студенческой молодежи*; вместе с нею, надо полагать, увлекаются и выступлениями известных писателей, среди которых Достоевский у части молодежи мог пользо-

* Как указывает биограф Н. П. Суловой, в широкий круг молодежи ввела сестер Суловых их подруга по институту генеральская дочь Мария Обручева, познакомив с сестрами Корвин-Круковскими, Софьей и Анной (Анна Васильевна Корвин-Круковская станет, после разрыва Ф. М. Достоевского с А. П. Суловой, на короткое время его невестой), с братьями Серно-Соловьевичами, с братьями Ковалевскими и др.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru